

Темноту заполнили различные световые очертания.

Они принимали форму двухметровых трёхгранных пирамид и кубов.

Это свет из палаток, дюжина или около того из которых располагалась у леса рядом с морем.

Одна из таких палаток стояла распахнутой. Она была белой, и табличка обозначала её как «медицинскую палатку». Передняя часть открылась, и из света вышло два человека. Одной была девушка с короткой стрижкой, а второй — невысокая женщина с волосами, связанными сзади.

Девушка со вздохом закрыла за собой палатку, тогда как женщина слева от неё достала сигарету.

— Множество царапин и порезов, равно как рваные раны с контузией правой ноги. Обычно на полное восстановление ушло бы две недели, но здесь нет серьёзных внутренних повреждений. У тебя нет причин волноваться сверх меры, Казами.

— Но Доктор Чжао...

— Всё наладится. Я приложила все силы на лечение, и с ней остаётся Сибил.

Мужской зажигалкой, вытащенной из белого халата, Чжао зажгла сигарету. Казами могла унюхать газ и увидеть свет пламени.

— Я постаралась сделать так, чтобы раны залечились ко времени, когда её возьмут на поле боя. Если она человек, конечно.

— А что же она?

— Ну, я бы сказала, что человек. Некоторые части её тела и вправду всё ещё механические, но они сливаются с человеческой тканью. Эти части, по сути, протезы, которые нельзя удалить.

Когда Чжао так легко назвала Микаге человеком, брови Казами удивлённо приподнялись.

— Значит, она реально не автоматическая кукла?

— Ещё рановато об этом судить, Казами. Весьма рановато.

Чжао взяла сигарету в губы, и пламя мгновенно продвинулось до самого фильтра.

Она выбросила окурок в переносную пепельницу, которую вытащила из кармана, и открыла рот.

После чего выдохнула громадный клуб дыма, и её фигура затонула в обильной туче, которую сама же произвела.

— Ах, аж в глазах защипало. Если я не буду этого делать после работы, то потеряю весь стимул.

— Доктор Чжао, Вам не нужно устраивать передо мной одиночное цирковое представление.

— Несёт дымом, знаю, но смирись. ...И слушай, Казами. Как в моей родной стране, так и в этой маленькой стране ходит сказ, что болезнь происходит от твоей жизненной силы. Это всё едино. Всё приходит от жизненной силы: твоё здоровье, телосложение, рост и характер.

— Тогда, в случае Микаге?..

— Она человек с телом куклы, которое эволюционирует в человеческое. Она одна цельная версия этого. Раз её создателя и родителей больше нет, только она имеет право определить саму себя. Она определяет себя как куклу, но почему?

— Э?

Казами наклонила голову вперёд.

...Что я должна сказать?

Она знала, что не особо сообразительна, когда дело касалось других и их чувств, но попыталась понять.

— Это потому, что она не может эволюционировать? Другими словами, она кукла, потому что не становится человеком?

— Ха-ха. А ты сразу хватаешься за простой ответ, не так ли? Может и так, а может и эдак. Это определённо часть проблемы, но она образует с...сп...спариль.

— Спираль.

— Ты глумишься над историей в четыре тысячи лет?!

— Прошу, прекратите перескакивать на неоправданную злость со скоростью Маха. В общем,

что Вы пытаетесь сказать?

— Всё просто. Она решила для себя, почему не может эволюционировать, и в ответ это предотвращает её эволюцию.

— Э?

— Что за сила предотвращает её эволюцию?

Казами нахмурилась, но на этот раз у неё был заготовлен мгновенный ответ для Чжао.

— Разрушительное оружие Сусамикадо и Керавнос, верно? Она боится эволюционировать в оружие.

— Ты и вправду глупая. Это часть её, потому оно становится сильнее, когда она эволюционирует. Даже если она превратится в человека, оно никуда не денется. Она просто сменит своё тело куклы на человеческое. Слыхала? Это не более чем смена одного на другое. Ничего не пропадёт. Само собой разумеется, что вместе с её эволюцией Сусамикадо станет сильнее.

— Т-тогда... — задумалась Казами. — Её эволюция остановилась из-за недостающей части Концептуального Ядра?

— Тоже неверно, и молодой Хиба наверняка это смутно понимает. Спроси потом у Саямы.

— Что же тогда останавливает эволюцию Микаге?

— Я ж тебе уже сказала: жизненная сила.

Неожиданно от палатки за их спинами прозвучал необычный звук. Он нарушил ход беседы, поэтому Казами покосилась в ту сторону.

— Доктор Чжао, почему это звучит так, словно кого-то бьют?

— Ох, Ёнкичи попытался посетить Микаге раньше прочей троицы, потому они с ним разбираются.

— Ясно. Так, возвращаясь к теме, что вы имели в виду под её жизненной силой?

— Жизненная сила это жизненная сила.

— Вы не особо над этим раздумывали, да?

— В последнее время ты серьёзно начала дерзить. Не смотри на старушку свысока, ладно? Это относится и к той спариле, о которой я ранее упоминала.

Казами решила в этот раз её не поправлять. Когда она дважды кивнула, Чжао вытащила из кармана новую сигарету и засунула её в рот.

— Предположим, у нас есть больной. Пока он болеет, его кладут в больницу, волнуются о нём, и он может расслабиться, зная, что вылечится, пускай и не без труда. Но что произойдет, когда он поправится?

— Разве он не будет счастлив?

— Возможно, но даже если по возвращению домой на выходе из больницы его встретят люди и обнимут, эти взаимоотношения на следующий же день вернутся в норму. Вот почему некоторые люди осознают, что им нравилось больше, когда о них все волновались. ...Ну всё, лекция Мисс Чжао на этом завершена! Что ж, теперь ты можешь ответить на вопрос?!

— «Мисс» немного перебор, как насчет «леди»?

— Это просто твоё личное мнение.

А Ваше нет? — Подумала Казами, почесав затылок.

В любом случае, ей казалось, что она поняла, к чему вела Чжао.

— Микаге боится стать человеком, да? Сколько себя помнит, она была автоматической куклой, её нынешняя жизнь сосредоточена на сражении, и у неё никогда не было нормальной жизни обычного человека. От этого оставаться куклой кажется безопаснее, чем терять свою нынешнюю жизнь и эволюционировать в неизвестный мир людей.

Казами сделала глубокий вдох.

— Стань она человеком, её жизнь тоже сменится на человеческую. Эволюция не обязательно равносильна улучшению. ...Однако она предпочитает свою нынешнюю жизнь с Хибой, а не то, что получит, став человеком.

— Именно. Наличие молодого человека для воплощения всех твоих потребностей определённо лучший выбор.

— Я проигнорирую такое различие в ценностях, но разве это не значит, что вам не нравится та четвёрка братьев?

Едва она это спросила, потасовка позади них затихла.

Чжао горько улыбнулась.

— Они незаменимая шайка.

Потасовка возобновилась, и Казами позволила звукам слиться с фоновым шумом природы.

...Люди вокруг Микаге, должно быть, податливы. Податливы настолько, что она замыкается в себе.

Микаге ведёт себя глупо.

Хиба практически такой же, даже когда не с ней.

Тем не менее, он всегда о ней говорит. Но не потому, что волнуется. Речь всегда о том, как сильно ему нравится быть с ней.

— Вот вам и ответ. Просто удивительно, что при этом она не выросла избалованной.

Казами испытывала трудности в самоконтроле, но подумывала использовать это как воспитательную модель, когда у самой будут дети. Ей нужно будет как-нибудь спросить об этом у Хибы... нет, у его матери.

...От моих родителей толку совсем не будет.

— Казами, кажись, ты думаешь о чём-то совсем не по теме.

— Э? Нет, я всё ещё думала о Микаге. Вроде того.

— Серьёзно?.. Ну, возможно, брать с нами Микаге было ошибкой. Она увидела здесь Хибу таким, каким он будет, когда она станет человеком и больше не будет его сдерживать. Он может свободно драться, может проиграть и может выбрать кого-то, кроме неё.

Казами вспомнила, как перед остальными появился Тифон. Согласно Саяме, Микаге призвала Сусамикадо в качестве приманки. Это необязательно было плохим решением.

...Но это означает, что она может призвать Сусамикадо и без Хибы.

— Вместо того чтобы выбрать человека как Хибу, она позвала Сусамикадо, который, по её мнению, останавливает её эволюцию.

Из палатки позади них не исходило никакого движения. Микаге спала под успокоительным, обмотанная бинтами и лечебными талисманами, но с ней оставалась Сибил.

Когда Чжао зажгла очередную сигарету, её выражение лица на секунду осветилось. Это был жёсткий взгляд с хмурым лбом.

Выдохнув дым, она тихо произнесла:

— Я поделюсь с тобой занятной информацией, Казами. Японский USAT начинает отслеживать расположение базы 3-го Гира, используя маршрут Тифона и того красного Бога Войны. А ещё прочие USAT запрашивают истребления остатков 3-го Гира.

— Зачем остальным USAT вмешиваться таким образом? И откуда Вы об этом знаете?

— Я отвечу на второй вопрос позже. А насчёт первого, то он простой. О прошлом 3-го Гира ходит много нехороших историй. Дабы заслужить благосклонность прочих Гиров, эти USAT решили, что переговоры с 3-м Гиром того не стоят, и, как следствие, хотят, чтобы мы их искоренили. Поставив 3-й Гир ниже всех прочих, от того прошлого можно отмахнуться.

Она горько улыбнулась.

— Звучит вполне логично, но на самом деле, они пытаются сокрушить Путь Левиафана. Если они так поступят, японский USAT не сможет взять всё на себя. Теперь, слушай внимательно.

— Хорошо.

Казами нервно ответила, и Чжао улыбнулась.

— Незачем так суетиться. 3-й Гир не глуп. Они должны знать, что раскрытие их расположения направит на них гнев всех прочих Гиров. Когда они пытались поладить с 1-м, те в ответ напустили на них отряд, чтобы отомстить. Это оставляет им только один путь побега. Ты можешь сказать какой?

— Путь Левиафана?

Казами это понимала. Путь Левиафана представлял собой серию переговоров, выходящих за

рамки Гиров и направленных на то, чтобы собрать их всех воедино.

Чжао кивнула и выдохнула дым.

— Вы все будете сражаться с 3-м. Если всё должным образом установлено, 3-й перейдет в наступление в тот момент, как ощутит угрозу. Они попросят, чтобы их включили в Путь Левиафана. Естественно, они не возьмут и просто так заявятся с этим. А раз так, Казами, где тот дурень?

— Вы о Саяме? Он отправился на пляж поговорить с Хибой.

На её губах появилась улыбка.

...Точно. Этот придурок должен всё понимать.

В конце концов...

— Он хочет, чтобы Хиба рассказал ему о второй скверне 3-го Гира. Он сказал, что во время Пути Левиафана это, вероятно, станет наибольшей преградой.

— Вот как? Действия 3-го Гира сами по себе что-то с чем-то, но... ну, 7-й Гир совершил нечто похожее. Будет совсем не весело, если нечто это не превзойдет.

Казами повернулась к Чжао.

— 7-й Гир?

— Это пустяки, но ты наверняка не сможешь ничего вычитать в тех документах, что вам сегодня достались. Они покрывают только дни Департамента Национальной Обороны.

— ...

— Это произошло после. В дни старого UCAT, когда различные UCAT по всему свету ещё полностью не собрались, японский UCAT был более или менее центральным. Хотя американские и европейские были больше и лучше финансировались. В общем, в том старом UCAT работали люди, отвечавшие за исследование и сражение с различными Гирами. Если исключить Синдзё, оставалось пять из Департамента Национальной Обороны, и по одному идиоту из ближневосточного, американского и китайского UCAT. Эти восьмеро были известны как Восемь Великих Королей Драконов.

Она горько улыбнулась.

— В те времена я принадлежала к китайскому UCAT, и у меня по-прежнему есть там связи. Вот как я узнала о предыдущей теме. Держи это в секрете, но я Чжао Цин, один из Восьми Великих Королей Драконов, ответственный за 7-й Гир.

На залитом лунным светом пляже Саяма уставился на Хибу.

— Итак, — сказал он, пригладив волосы под напором морского бриза. — Много всего случилось, но пора тебе уже отвечать, малыш Хиба.

— Отвечать на что?

— Присоединишься ты к нам, или нет.

Этот ответ заставил выражение лица Хибы перемениться. Он помрачнел и отвернулся.

— Сейчас совсем не до этого. Ты сам видел, что произошло с Микаге-сан.

— Но теперь, когда 3-й Гир проявил себя, остальные, скорее всего, поступят так же. Независимо от ранения Микаге-кун мир продолжает вращаться вокруг меня. Разве я ошибаюсь?

— Э-э... Я не уверен, на какую часть я должен возразить.

— Если все части ошибочны, они отменяют сами себя и становятся истинными, малыш Хиба. — Саяма сохранял полную невозмутимость. — Разве это не идеальная возможность? Как насчет того, чтобы поведать о второй скверне 3-го Гира и объединиться с нами?

— Я не могу. Я всё это время сражался затем чтобы...

— Чтобы защитить Микаге-кун и продолжить её эволюцию? Ты утверждаешь, что если вы добудете полное Концептуальное Ядро, она станет человеком?

Саяма глянул на Хибу, который хмурился под лунным светом.

Однако...

...Это выражение лица неискренне.

В таком случае, я его уничтожу, — подытожил Саяма.

Он ткнул в Хибу указательным пальцем правой руки, и Баку скопировал его действие на макушке.

— Ты перекладываешь вину за отсутствие её эволюции на концепты.

— О чем ты говоришь? В Керавносе только половина Концептуального Ядра.

— Прошу прощения за то, что вся моя информация из чужих уст, но я должен здесь задать вопрос.

Саяма взмахнул вверх рукой, указывающей на Хибу, и от плеча его рубашки раздался хлопок.

— Ты говоришь, что Керавнос хранится здесь, и что его механизм действительно может быть частью Микаге-кун. Однако, несмотря на наличие внутри Концептуального Ядра, и нахождение внутри её Концептуального Пространства, действительно ли он часть её тела?

— Ну...

Он знает ответ, — подумал Саяма.

Суть была очень проста.

— Будь он частью её тела, то должен функционировать как реактор, аналогично Фафниру Возрождённому и Тифону. Однако Керавнос просто боеголовка. Даже если вы вернете вторую часть... — Он блеснул улыбкой. — Она лишь усилит Керавнос. Что ещё сильнее приблизит Микаге-кун к разрушительному оружию.

Брови Хибы немного дернулись.

Это выражение лица кое-что сообщило Саяме.

...Этот везучий парень и не ведает, что сам является причиной, по которой её эволюция остановилась.

Но она, похоже, осознала, что служит для него ограничением.

Саяма считал, что призыв Сусамикадо над океаном послужил во благо.

...Что бы там ни случилось, она задумалась о возможности расставания с ним.

— Единственная оставшаяся проблема — ты, малыш Хиба. Что ты будешь делать теперь, когда Микаге-кун тебя оттолкнула? У тебя больше нет силы, чтобы сражаться с 3-м Гиrom, и у тебя больше нет причины. Но ты всё равно вступишь с ними в бой?

— Ну...

После паузы, Хиба, наконец, ответил.

— У меня особо нет выбора, правда?

— Почему нет? Из-за того, что произошло во времена твоего деда?

— Честно говоря, мне не особо рассказывали о том, что с ним случилось.

— Значит, ты выполняешь несуществующую ответственность просто на автомате?

— Нет. У меня всё ещё есть долг того, кто знает правду, Саяма-сан. У меня есть долг того, кто знает о второй скверне, — сказал он. — В каком-то роде, этого я и хочу. Микаге-сан сейчас ничего не может, но мне известно о второй скверне и я смогу очистить её самостоятельно.

— Понятно.

Саяма кивнул, и выдал небольшую улыбку.

...Интересно. Даже сейчас, он держит её в уме.

Саяма подумал о Синдзё. Подай она хотя бы вид, что отвергает его, продолжил бы он о ней думать?

...Несомненно.

Он припомнил несчетные образы телесного цвета и мягкие прикосновения из прошлого, и проверил воспоминания о множестве слов, которыми они следом обменивались. Чтобы удостовериться, Саяма сделал это трижды. По завершении он понял, что они идеальны, и поэтому кивнул.

— Малыш Хиба, ты наверняка похож на меня. В особенности — как мы оба всего в одном неверном шаге от того, чтобы называться преследователями.

— Э-эм, основываясь на том счастливом взгляде, который только что у тебя промелькнул, мне кажется, мы похожи максимум на 10%!

— Не нужно скромничать. Я вовсе не такой Извращуга, чтобы делать вид, будто мою своего партнера и вместо этого щупаю её за зад. Я прикасаюсь к моему партнеру, чтобы обрести понимание. Твой метод гораздо более развратный.

— Раз ты старшеклассник, я постараюсь сказать повежливее, но ты псих!

— Успокойся. Те, кто не понимают самих себя, первыми умрут на поле боя.

Хиба в ответ промолчал.

...Синдзё-кун сопротивлялась бы гораздо дольше, перед тем как согласиться.

Младшеклассники действительно покорны, — осознал он. Как очаровательно.

По какой-то причине Хиба потупил взгляд, но Саяма решил это игнорировать.

— Давай вернемся к начальной теме, малыш Хиба. Мы обсуждали эволюцию Микаге-кун.

Хиба повернулся к Саяме, скрестившему руки на груди, и поэтому он кивнул в сторону парня.

— Ну так что, по-твоему, предотвращает её эволюцию?

— Концептуальное Ядро, но это ты уже легко отклонил.

— Разве ты сам не понимаешь, почему так?

— Ну, — начал он.

Саяма шагнул ему навстречу.

— Давай обсудим гипотетическую ситуацию.

— Какую?

— Однажды, некто хранил секрет; но он не мог разгласить этот секрет тому, кто говорил, что хочет быть с ним. Другой человек пришел к смутному пониманию того нераскрытого секрета,

но решил оставить всё, как есть.

После последней фразы, от палатки на каменистой местности раздался голос Синдзё:

— Обманщик!!

Всего на мгновение Саяма углядел стоящую на камнях Синдзё, но рука Изумо в два раза быстрее затянула её вниз.

Хиба не успел вовремя обернуться, но все равно попытался осмотреться по сторонам.

— М-мне слышалось, или кто-то только что на тебя кричал?

— Это Внутреннее Японское море. В период Сенгоку земля наполнилась пиратами, и от этого я слышал ночью появляются привидения.

— Х-хорошо, пускай будет так. На чём мы остановились?

— Мне стоит сказать тебе следующее: я считаю, что эволюционировать нужно вам обоим, но вы боитесь разрушать ваши нынешние отношения, и, как следствие, выдумываете причины, чтобы не развиваться.

И...

— Это не всё, малыш Хиба. Ты говоришь, что желаешь защитить Микаге-кун, но такое не станут говорить те, кто уверен, что сами способны защитить. Малыш Хиба, ты веришь, что она защищает тебя даже сейчас.

Хибе разинул рот, но Саяма покачал головой.

— Разумеется, даже если всё так, в этом нет ничего плохого.

Хиба нахмурился.

— Нет ничего плохого? Несмотря на то, что выходит, я не защищаю её как положено?

— Это проблема самосознания. Даже если ты находишь недостатки в себе, ей этого может быть достаточно. И положительное мышление о своей незрелости не даст тебе стать неосмотрительным и приведет к улучшению. Я и сам таким вот образом пытаюсь держать свои мысли в позитиве. К примеру, я часто задаюсь вопросом, почему рядом с Синдзё-кун я так просто поддаюсь.

От каменистой местности донеслись звуки борьбы, но всё быстро успокоилось. Хиба снова осмотрелся.

— Мы и правда можем это игнорировать?

— У меня нет друзей среди камней. А у тебя? — спросил Саяма. — В общем, малыш Хиба, в твоём случае есть небольшая проблема. Ты веришь, что она защищает тебя, и используешь это в качестве оправдания своей слабости, не так ли?

— Н-но Сусамиадо и всё остальное — это её сила.

— Но сражаешься именно ты. Она всего лишь одалживает тебе свою силу. Ты тот, кто использует силу, пришедшую из 3-го Гира для сражения с 3-м Гиrom. И твоё конечная цель в очищении второй скверны 3-го Гира, — объяснил Саяма. — Ты должен быть в курсе о смысле своего сражения. Теперь, что это за вторая скверна? Я бы не прочь услышать твою причину сражения с 3-м Гиrom, чтобы мы также могли получить право сражаться с ними. Мне следует добавить «пожалуйста»?

— Ты правда думаешь, что я тебе скажу?

— Нет, но как насчёт Микаге-кун? Ради твоего спасения она призвала Сусамиадо по своей воле, так что, полагаю, она ответит самостоятельно.

— ...

Хиба инстинктивно принял боевую стойку.

Он всадил стопы в песок и отвел правую ногу назад.

— Ты хочешь сказать?..

— Присоединиться к нашему бою звучит как неплохая награда, не так ли?

Саяма тоже принял боевую стойку. Хиба медленно начал кивать, но затем быстро покачал головой и горько улыбнулся.

— Н-нет, погоди. Ты не говорил, чья это будет награда. Если выиграю я, пожалуйста, расскажи, какую ты видишь во мне слабость. Изумо-сан уже многое мне рассказал, но мне кажется, что есть ещё. Я должен держать это в уме в своём сражении с 3-м Гиrom.

— Ты не попросишь нам помочь Микаге-сан?

— Вы за ней присмотрите, даже если я не попрошу, правда? — Его горькая улыбка углубилась.
— Если я попрошу, это заставит её волноваться. Она будет переживать, что вы добры исключительно из-за моей просьбы.

— Она должно быть действительно больна, если волнуется о доброте.

Саяма опустил свою стойку, чтобы соответствовать Хибе.

Верх его обзора заполняла луна, и он осознал, насколько уже поздно. Это унесло его мысли к Токио, где сейчас пребывали семьи Тамии и Хибы.

...Неожиданный матч между учениками общего учителя.

В своих туфлях он небрежно присел, расслабил плечи, и опустил Баку на землю.

Саяма наблюдал, как Баку торопливо убегает к камням.

— Не сдерживаться и не поддаваться. Я когда-то сломал кулак, поэтому не могу им бить. И твои дневные ушибы, скорее всего, по-прежнему ощутимы.

— Понял. Что определит результат?

— Когда это случится, мы оба поймем. Тебе не кажется, что мы уже на таком уровне?

— Ты прав, — согласился Хиба.

В следующий миг парень ринулся к Саяме.

Хиба сосредоточился на расстоянии между ними.

Всё сводилось к мгновению.

Ни один из них не обладал выносливостью Изумо.

Это означало, что всё закончится, если хоть одна атака достигнет Хибы.

Но то же относилось и к его противнику. Если атака Хибы пройдет успешно, тело Саямы не

устоит, даже если он останется в сознании. В своей схватке с Изумо Хиба очень хорошо это освоил.

К тому же, они оба были учениками одного и того же додзё. Школа боевых искусств Хибы преподавала боевые техники за пределами простой самообороны и сосредоточилась на рукопашном бою, допуская использование холодного оружия. Она включала в себя практически любой тип атаки и защиты.

Хиба мог твёрдо сказать, что овладел техниками, которые обычно опирались на скорость для выполнения цикла атак.

Однако его противник был таким же. Он знал возможности своего оппонента и его скорость.

— !..

И поэтому Хиба сделал первый ход.

Не считая лунного света, было темно, но это придавало всему глубокий контраст. Когда Хиба пригнётся и двинется, Саяма не сможет всё идеально разглядеть. Даже тень, которая раскроет его движения, ниспадала теперь прямо вниз.

Он сократил расстояние.

Саяма взмахнул левым кулаком, но Хиба решил, что это ложный выпад. Если Саяма ударит кулаком, которого не мог толком сжать, это не возымеет особо эффекта.

...Его настоящая атака в другом месте!

Саяма двинул правой ногой. Вот его истинная цель.

Но он не собирался пинать.

Дело в песке.

— !..

Хиба это предвидел, но тяжело противостоять песку, распылившемуся снизу. Закрытие глаз лишит его зрения, но оставить их открытыми позволит песку сделать то же самое. К тому же, при попытке отмахнуться рукой он моментально потеряет возможность атаки.

Тогда он услышал голос Саямы:

— Такого опыта у тебя никогда не было на грязном полу того открытого додзё, разве нет?

Он был прав.

Но Хиба принял решение. Он рванулся вперёд и выбрал простейший из доступных способов.

Парень закрыл только правый глаз.

Песок прибыл и попал в левый глаз, но едва он коснулся кожи, Хиба вновь открыл правый.

Правая половина его обзора сохранилась, и он увидел, как Саяма готовит противоположную ногу.

— Медлишь!

Хиба бросился направо от Саямы.

Тем временем Саяма отступил с ногой, заготовленной для удара, и начал готовить защитную стойку. Он оттянул живот назад, чтобы выдержать удар.

Но Хиба планировал не это. У него остался только один глаз, и он не настолько безрассуден, чтобы атаковать с потерянным чувством дистанции.

Хиба глянул на левую руку Саямы, которую тот использовал ранее.

В сравнении с прочим его телом, она запаздывала на пути назад.

Хиба потянулся двумя руками и ухватился за неё. С одним глазом было тяжело определить расстояние, но использование обеих рук позволило пальцам сначала прикоснуться и затем замкнуть хватку.

Он нащупал запястье.

Это означало, что Хиба не может ударить Саяму. Вместо этого, он сделал упор на скорость.

— !

Парень врезался ногами в землю настолько, что песок брызнул назад, когда он ринулся налево

от Саямы.

Вмиг он крутанулся парню за спину.

Саяма оставался невозмутимым, поэтому Хиба не мог определить, о чём он думает. Это не отличается от нормы, — подумал Хиба.

Он видел Саяму несколько раз в додзё своего деда и думал тогда, что Саяма развит не по годам.

Хиба также припомнил истории о деде Саямы, которые его дед ему нередко рассказывал.

Его дед отзывался о деде Саямы с одной лишь бранью. Он не особо рассказывал Хибе о том, что случилось во время войны. Похоже, у него было немало других друзей, но лишь малая часть той дружбы сохранилась после войны: дед Изумо, чародей по имени Зигфрид и старик в Америке по имени Сандерсон.

Он всех их проклинал с глупыми послевоенными байками про них.

...Верно.

Хиба подумал о своей боевой стойке.

...Если я найду кого-то, кто сможет понять мои мысли, догонит, продолжит двигаться вперёд и встретит меня без страха — когда я вырасту, я буду бранить их так же.

Заворачивая в сторону Саямы со всей силы, он вспомнил увиденное недавно прошлое, встречу в Библиотеке Кинугасы и сегодняшнее поражение от Изумо.

Хиба продолжил.

Он развернул левое запястье Саямы наружу, будто толкая, и рванул его вверх.

— ...

Парень услышал, как что-то в левой руке Саямы сдвинулось с места, но это оказался не металлический компонент какой-то машины. А соединение плоти и кости.

Хиба вывихнул левое плечо Саямы.

Едва он ощутил, как рука Саямы обмякла, Хиба оттолкнул её вверх.

Он вложил в ту атаку всю силу, не пытаясь сдерживаться. Если Саяме не повезёт, у него могут остаться продолжительные эффекты.

...Но здесь я должен победить.

Саяма наверняка уже порвал часть своих мышц и ощущал болезненное царапание сустава, повернутого неправильно. Боль от вывиха исходила от скрученных мышцами и костями нервов, поэтому отдавалась прямо в мозг. Пока кость не станет на место, невыносимая боль продолжится.

Хиба кивнул и мгновенно остановился. Притормаживая, его правая стопа вонзилась в землю.

С песком, разлетающимся в воздух, он обернулся себе за спину.

— Кто-нибудь, позовите вра...

Обернувшись, Хиба увидел в воздухе перед собой нечто немыслимое: подошву кожаного туфля.

— ?!

Едва лишь парень задумался, что произошло, носок туфля въехал ему в солнечное сплетение. Он, похоже, ударил в плоть между его грудью и животом.

Острый носок остановился где-то на пять сантиметров в его теле.

Хиба не шевелился.

И в своей неподвижности он осознал, что не может дышать.

Его тело быстро окоченело и потяжелело, и хозяин ноги невозмутимо произнес:

— Да, судя по всему, нам нужен врач.

Затем он ткнул свою стопу вперёд ещё сильнее, отталкивая Хибу прочь.

— ...

Не в состоянии снять напряжение с тела, Хиба безвольно завалился назад.

...Я проиграл, так же, как и сегодня днём.

Но падая, он не проглядел левую руку Саямы. Она вяло свисала сбоку.

— Ты не чувствуешь боли? — спросил он, медленно падая на песок.

Или, по крайней мере, попытался.

Однако изо рта не исходило даже его дыхания. Шок удерживал его диафрагму от движения.

Не в состоянии дышать или заговорить, Хиба всего лишь взирал на луну.

Затем этот бледный диск света пересекла неожиданная тень.

Она приняла форму подошвы туфля.

Сразу же после этого пятка опустилась вниз на его живот в сопровождении могучего столкновения.

— Кха!!

— О? Похоже, ты теперь дышишь. Возможно, моё лечение оказалось суровым, но я рад, что оно сработало.

Сила вернулась в тело Хибы, но вместе с ней и боль. Странное чувство жара сверху живота заставило его открыть рот, и воздух попытался вырваться из тела. И в то же время он услышал голос.

— Раз ты дышишь, то тебе, вероятно, больше не нужен врач. Теперь, полагаю, мне следует взять с тебя плату за медицинские издержки на мою руку. Не волнуйся. Это тривиальная сумма. Включая страховку, это всего лишь 73,500,000 йен.

Хиба попытался спросить, откуда такая сумма.

— Кха... ха!

Но донёсся только этот странный звук.

...А-а, наверное, это и зовется садомазохизм. Со мной такое впервые.

Как только он осознал, что взмок от пота, голос заговорил снова.

— Так ты платишь, или нет? Если да, продолжай корчиться от боли. Если нет, оставайся неподвижным.

Хиба задержал дыхание и растянулся на песке, но не продержался и трех секунд.

— Га-ах!

— Близко. А я вот думал тебя простить, если продержишься пять секунд. Какая жалость.

— О чем ты, Саяма-кун?!

Хиба с заплаканными глазами повернулся к каменистой местности и увидел Синдзё, одетую в белое платье.

...Как женственно.

Но за этой мыслью мгновенно последовала следующая.

...Прости, Микаге-сан. Меня очаровала другая девушка.

И затем...

— Погодите! Это же парень!

Хиба лихорадочно поднялся. В результате он закашлялся, но определённый вопрос был гораздо важнее физической боли.

....О нет. Я стал таким же извращенцем, как Саяма-сан и Синдзё-сан?

— В чём дело, малыш Хиба? Если у тебя неподобающие мысли о Синдзё-кун, я залью тебя цементом и закину в реку Аки, для предотвращения паводков. Как горожанину, вполне естественно протянуть городу руку помощи, как ты считаешь?

— Н-не смеши. Я нормальный! Я определённо не гей!

— Саяма-кун, могу я попросить тебя протянуть руку помощи Рюдзи-куну?

Синдзё суховато улыбнулась.

Видя в её руках аптечку, Хиба испустил вдох и опустил голову.

— И-извините. Я больше ничего не буду говорить о ваших личных предпочтениях. ...Кстати, я проиграл, да?

— Да. Я проигнорирую первую часть, но ты определённо проиграл. Хотя мне кажется, что ушиб Саямы-куна хуже.

Саяма глянул на свою левую руку, которая неподвижно и безвольно свисала.

Он задумчиво наклонил голову.

— Да, это похоже на серьёзную травму. Боль уже некоторое время отзывается эхом по всему телу. Ох, но я думаю, немного самоотверженного ухода от Синдзё-кун и колени в качестве подушки как раз сгодятся в качестве лечения. Если принесёшь мне еду, я бы не отказался от маринованных персиков.

— Ты действительно спокоен насчёт этого, — прокомментировала Синдзё.

Глядя на них, Хиба вздохнул.

— Я и не надеюсь до такого дорасти, — пробормотал он, завалившись назад на пляж.

— Я бы не был столь категоричным. Перед дракой ты сам сказал, что у тебя есть слабость. Я всего лишь раскрыл в этом бою меньшую из моих слабостей. Я знал, что боли не избежать, поэтому смог к ней подготовиться.

— Ты хочешь сказать, что предугадал, что так случится?

— Нет. Ты не предугадываешь бой. Ты повелеваешь им.

— А в чём разница?

Хиба услышал горький смех, но он быстро растворился.

— Мои извинения. Это столь элементарный вопрос, что я не смог сдержаться. ...Позволь мне

спросить следующее: что ты постоянно предугадываешь?

— Течение боя.

— Нет. Малыш Хиба, ты только что потерял очки. Молчи и выжги мои слова в своём разуме. Ты предугадываешь не бой; ты предугадываешь собственную победу. Конкретнее, победу, которая оставит тебя невредимым, — объяснил Саяма. — Поэтому когда предположение, которое ты так удачно выстроил, заканчивается, но бой продолжается, ты проигрываешь, несмотря на уверенность в своей победе. Если взамен ты будешь повелевать боем — такого не произойдёт. Повелевая сражением, ты одновременно принимаешь силу врага и не позволяешь ему эту силу использовать. Это значит продолжать драться с надеждой, что ты сможешь привести бой к завершению.

— Но это...

— Я считаю, что теперь, когда Микаге-кун не с тобой и урон направлен на тебя, тебе это по плечу. Ты так сильно сосредоточился на её защите, что мог предугадать лишь быстрые и краткие пути к победе. Неожиданность урона была одной из причин, по которой ты проиграл сегодня Изумо, но ещё потому, что ты поверил в свою победу, после того как провёл по нему хорошую комбинацию.

Луну снова пересекла тень.

На этот раз это была рука. Правая рука Саямы.

— Возьми мою руку, малыш Хиба, и мы выйдем плечом к плечу на поле боя, где тебе предназначено повелевать. Если ты настаиваешь на очистке скверны 3-го Гира, мы тебе в этом поможем, — сказал парень. — У тебя наверняка есть время, когда Микаге-кун тебя утешает. Это происходит когда вы вместе в Боге Войны, и ты можешь слышать её голос. Иными словами, после ваших сражений с 3-м Гиром. Но если она эволюционирует, вам больше не придётся сражаться для того, чтобы получать это утешение. И чтобы этого достичь, ты должен взять на себя ответственность.

— Ответственность? Что ты имеешь в виду?

— Как тот, кто очистил скверны 3-го Гира, ты возложишь нечто себе на плечи. Это нечто может быть даже частью 3-го Гира. Малыш Хиба, Отряд Левиафана и школьный совет Академии Такаакита желает принять тебя в наши ряды как того, кто должен жить, возложив на себя бремя 3-го Гира.

И...

— Ты уже определился, не так ли? Я как-то могу сказать. Эта белая бандана у тебя на голове,

вероятно, сентиментальный предмет, который скрывает и защищает шрам, напоминающий тебе о ней. Но по причине этого же сентиментализма я должен спросить у тебя о второй скверне того бессердечного Гира.

<http://tl.rulate.ru/book/95927/3277676>